

Российская академия наук
Институт психологии

Научные подходы в современной отечественной психологии

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2023

УДК 159.9

ББК 88

Н 34

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Коллектив авторов:

А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская (вводная глава); А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризов (глава 1); Т. В. Корнилова (глава 2); В. В. Рубцов, В. К. Зарецкий, А. Д. Майданский (глава 3); М. С. Гусельцева (глава 4); И. Н. Семенов (глава 5); Т. Д. Марцинковская (глава 6); В. В. Знаков (глава 7); Е. А. Сергиенко (глава 8); В. А. Мазилев (глава 9); А. Л. Журавлев, А. А. Костригин (главы 10, 17); А. В. Карпов (главы 11, 22); Л. А. Головей (глава 12); Т. В. Зеленкова (глава 13); С. А. Хазова (глава 14); А. А. Карпов (глава 15); В. И. Панов (глава 16); Н. Е. Харламенкова (глава 18); Н. Д. Павлова (глава 19); Н. В. Гришина (глава 20); С. Н. Костромина, Н. В. Гришина (глава 21); Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, В. Н. Галяпина, Э. Х. Лепшокова, М. А. Бульцева, Е. В. Бушина (глава 23); А. Б. Холмогорова (глава 24); А. А. Грачев (глава 25); В. Н. Панферов, С. А. Безгодова, А. В. Микляева (глава 26); В. Д. Шадриков (глава 27)

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор *М. А. Холодная*,
доктор психологических наук, профессор *А. О. Прохоров*

Рекомендовано к публикации

Редакционно-издательским советом Института психологии РАН

Н 34 Научные подходы в современной отечественной психологии / А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко и др.; отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. — 759 с. (Методология, теория и история психологии)

doi: 10.38098/thry_23_0465

ISBN 978-5-9270-0465-2

УДК 159.9

ББК 88

В коллективной монографии представлены научные подходы в современной отечественной психологии. Проведен сравнительный анализ подходов на основе выделенных критериев: ведущее и конкретизирующие понятия, методологические принципы и основные методы. Показаны взаимопроникновение, взаимодополнение и специфика современных научных подходов, возможности панорамного представления итогов изучения психических явлений, что создает стереоскопическое видение разных компонентов психической организации и динамики. Впервые представлен «ландшафт» отечественной психологической науки, показавший единство в разнообразии позиций.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2023

© Коллектив авторов, 2023

ISBN 978-5-9270-0465-2

Содержание

Вводная глава	Современные подходы в отечественной психологии: единство в разнообразии	7
---------------	--	---

Раздел I

ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Глава 1	Историко-эволюционная оптика познания <i>Homo complexus</i> : приглашение к диалогу	99
Глава 2	Теория деятельности А. Н. Леонтьева как методологический подход в психологии	116
Глава 3	Культурно-историческая психология: современное состояние и направления развития научной школы	144
Глава 4	Культурно-аналитический подход: история и методология	170
Глава 5	Субъектно-деятельностный подход	184
Глава 6	Историко-генетический подход к исследованию современного транзитивного мира	212
Глава 7	Субъектно-аналитический подход в психологии	227
Глава 8	Системно-субъектный подход в психологии	241
Глава 9	Коммуникативно-интегративный подход в психологической науке	273

Раздел II ОБЩЕНАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ В ПСИХОЛОГИИ

Глава 10	Междисциплинарный подход в психологии	293
Глава 11	Сущность и содержание метасистемного подхода	314
Глава 12	Энергоинформационный и комплексный подходы в психологии	350
Глава 13	Эволюция сетевого подхода в психологии: от плюрализма к со-творению знаний	360
Глава 14	Ресурсный подход в психологии	377
Глава 15	Филогенетическая эволюция психики: от аналитических представлений к системоцентрической парадигме	391
Глава 16	Экопсихологический подход к развитию психики: предпосылки, конструкты, парадигмы	409
Глава 17	Наукометрический подход в психологии	440

Раздел III КОНКРЕТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Глава 18	Динамический подход Л. И. Анцыферовой к психологическому исследованию личности: новые грани проблемы	461
Глава 19	Дискурсивный подход в психологии речи и психолингвистике: история и перспективы	478
Глава 20	Экзистенциальный подход в психологии личности	489
Глава 21	Процессуальный подход в психологии личности	504
Глава 22	От метакогнитивного подхода к метакогнитивной психологии	525
Глава 23	Социокультурный подход в современной российской психологии	561

Раздел IV НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ В ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Глава 24	Биопсихосоциальная модель и культурно-историческая психология как методологические основания исследований и комплексной помощи при нарушениях развития и психической патологии	581
----------	---	-----

Глава 25	Системные основания прикладной психологии	602
Глава 26	Интегративный подход в познании психологии человека . .	619
Глава 27	Системогенетический подход в современной отечественной психологии	635
Литература		652
Аннотации		728
Сведения об авторах		756

Глава 23

Социокультурный подход в современной российской психологии

Введение

Все социальные и гуманитарные науки единодушны в том, что человек – существо социальное, формируется в обществе и несет на себе печать того общества, к которому принадлежит. Аристотель полагал, что человек по своей природе – существо, живущее в среде общения и способное самостоятельно создавать социальные и политические коммуникации. Мы можем дополнить такое понимание убеждением, что человек – не только продукт и творец своего социума, но и своей культуры. Невозможно понять поведение человека без изучения ценностей, традиций, обычаев и моделей поведения, принятых в его культуре. Психология человека несет в себе сплав социальной среды, культурных особенностей и индивидуально-наследуемых характеристик. И этот сплав определяет его сознание и поведение. Для более глубокого понимания и анализа психологических причин поведения необходим более широкий теоретико-методологический подход, учитывающий комплексную биосоциокультурную природу современного человека. Частью такого подхода является так называемый социокультурный подход, зародившийся первоначально в русле социологической науки.

Истоки социокультурного подхода

Социокультурный подход в социологии

Социокультурный подход известен в социологии как методологический подход, сущность которого состоит в попытке рассмотрения общества как единства культуры и социальности, преобразуемых активной деятельностью человека. Это единство, согласно принципам системного подхода, образует новую целостность, свойства которой не выводятся из характеристик составных частей. Человеческая личность в соответствии с социокультурным подходом неразрывно связана с обществом как системой социальных отношений и культурой как совокупностью ценностей и норм.

Большой вклад в формировании социокультурного подхода в социологии внесли: Питирим Сорокин, Роберт Мертон, Толкотт Парсонс. Основоположителем социокультурного подхода принято считать Питирима Сорокина (1889–1968) – русского и американского социолога. В труде «Социальная и культурная динамика», опубликованном в США в 1937 г., он изучал взаимовлияние культуры и общества и пришел к выводу, что социокультурные изменения являются более важными событиями в истории человечества, чем смена формы правления, как принято было считать ранее. По мнению Сорокина, наиболее кардинальные изменения в обществе происходят тогда, когда оно переживает «эпохальную» революцию в культуре, что случается, по мнению Сорокина, крайне редко. Суть социокультурного подхода П. Сорокин выразил в книге «Общество, культура и личность: их структуры и динамика». Проводя анализ социокультурных явлений, он выдвигает свою знаменитую формулу: «Личность, общество и культура как неразрывная триада», раскрывая ее далее: «Структура социокультурного взаимодействия... имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других» (Сорокин, 1992, с. 218).

Заметный вклад в становление социокультурного подхода внес американский социолог Т. Парсонс (1902–1979). По его мнению, культура в процессе взаимодействия с обществом представлена в трех взаимосвязанных аспектах: во-первых, культура передается, она составляет наследство или социальную традицию; во-вторых, это то, чему обучаются, т. е. культура не является проявлением генетической природы человека, и, в-третьих, она является общепринятой. Таким образом, она, с одной стороны, является продуктом, а с другой стороны – детерминантом системы человеческого социального взаимодействия (Парсонс, 2002).

Роберт Кинг Мертон (1910–2003) – один из ведущих американских социологов XX в. Согласно Р. Мертону, каждая социальная группа ориентирована на адаптацию своих культурных целей и способов их достижения к нормам общества, к которому она принадлежит. Р. Мертон выделяет пять типов индивидуальной адаптации в случае разрыва между культурными нормами и одобряемыми способами их достижения: конформизм, инновация, ритуализм, ретритизм, восстание (Мертон, 2006).

Социокультурный подход опирается на актуальные принципы, которыми руководствуется исследователь и которые образуют методологический каркас, позволяющий ему выбрать из существующего набора исходных теоретических постулатов тот, который в наибольшей степени отвечает его целям и задачам. Основными принципами социокультурного подхода являются следующие:

1. *Принцип Homo activus*, согласно которому человек является биосоциокультурным существом и рассматривается как некоторая самодостаточная ре-

альность, обладающая свободной волей и в ходе своих действий влияющая на социальные и культурные нормы.

2. *Принцип эволюции* означает способность системы к развитию, что делает возможным утверждение о появлении качественно иных по характеру социокультурных явлений в процессе развития общества.
3. *Принцип антропосоциетального взаимодействия*, согласно которому самосознание человека может соответствовать или не соответствовать типу общества, в котором он находится, что в определенный период приводит к смене социокультурной среды. В исторической ретроспективе это выражается в революциях, бунтах, реформах и т. д.

По мнению российского социолога Н. И. Лапина, социокультурный подход не противостоит иным подходам, а дополняет их. Он связывает цивилизационный и формационный подходы в единое целое. Если цивилизационный подход как наиболее масштабный схватывает устойчивые компоненты человеческой истории (антропологические, этнические, культурные), а формационный подход концентрирует внимание на более изменчивых (социальных, личностных) структурах, то социокультурный подход выясняет сопряжение устойчивого и изменчивого (личности и общества, культуры и социальности). Социокультурный подход совместим и со структурно-функциональным подходом: социокультурный подход предполагает анализ функций и структур, а структурный функционализм включает культуру как одну из важнейших структур. Но при этом социокультурный подход является более общим, и в этом смысле он ближе системному подходу, так как он изначально включает принцип изменений: социокультурная динамика по праву считается центральной темой в творчестве П. Сорокина; правда, в форме цикличности, исключающей универсальность прогресса (Лапин, 2000).

Социокультурный подход с социологической точки зрения, на наш взгляд, является чересчур общим и не связанным напрямую с методологией, в частности, эмпирических социологических исследований. Занимаясь сравнительно-культурными (или кросс-культурными) исследованиями в разных социокультурных контекстах, мы нуждались в более конкретизированном и более глубоком и всестороннем подходе. Поэтому мы обратились еще к одному релевантному нашим исследованиям подходу, а именно к экокультурному подходу Джона Берри (Berry et al., 2004).

Экокультурный подход Дж. Берри в кросс-культурной психологии

Экокультурный подход к изучению культурных и психологических явлений основан на представлении о том, что группы и индивиды развивают свое обыденное (традиционное) и индивидуальное поведение как адаптацию к требованиям своей экологии, поскольку живут в определенных экосистемах. Следовательно, сходные места обитания должны порождать модели социальных институтов и поведения, которые являются общим образом жизни. А разные места обитания должны порождать разные культурные и социальные контексты.

Экокультурный подход также рассматривает социально-политические влияния на население, происходящие за пределами местной среды обитания как важные источники социального и психологического развития. Эти внешние воздействия изменяют сложившиеся ранее основные культурные и психологические особенности людей.

Согласно экокультурному подходу, понимание взаимосвязей между культурными контекстами и поведением человека требует независимой оценки как контекстов, так и поведения. Контексты рассматриваются в качестве сложных сетей взаимосвязанных экологических, культурных и социально-политических переменных. Поведение — как сложный набор взаимосвязанных личностных переменных.

Экокультурный подход сочетает учет психологического разнообразия человека (как индивидуальных, так и групповых сходств/различий) и внимание к двум фундаментальным источникам влияния, экологическому и социально-политическому, а также к двум особенностям человеческих популяций, которые адаптированы к ним, — культурным и биологическим характеристикам. Эти популяционные переменные передаются отдельным индивидам с помощью различных видов трансмиссии, таких как инкультурация, социализация, аккультурация и генетическое наследование. Первые три из них считаются формами культурной трансмиссии, а четвертая является биологической трансмиссией.

Таким образом, экокультурный подход состоит в рассмотрении человеческого разнообразия (как культурного, так и психологического) в качестве набора коллективных и индивидуальных адаптаций к контексту. В рамках этой общей перспективы рассматривается культура как эволюционирующая адаптация к экологическим и социально-политическим влияниям и индивидуальные психологические характеристики населения как адаптивные к их культурному контексту. Культура и поведение также изучаются в аспекте отдельных явлений на их собственных уровнях, явлениях, которые необходимо исследовать независимо. Схема исследований в рамках экокультурного подхода представлена на рисунке 23.1.

Развитие социокультурного подхода в рамках отечественной социальной психологии

Какие положения этих двух подходов важны для социально-психологических и кросс-культурных исследований, ведущихся в Центре социокультурных исследований НИУ ВШЭ?

- Смена культуры (социокультурного контекста, формы политического правления, статусов групп и т. д.) — определяющее событие для жизни стран и народов, детерминирующее, в частности, индивидуальное поведение.
- Культура (социокультурный контекст) — продукт и детерминант человеческого (в том числе межкультурного) взаимодействия.
- Межкультурная адаптация — сопоставление группами (и индивидами) своих культурных целей и способов их достижения с характерными нормами общества, к которому они принадлежат.

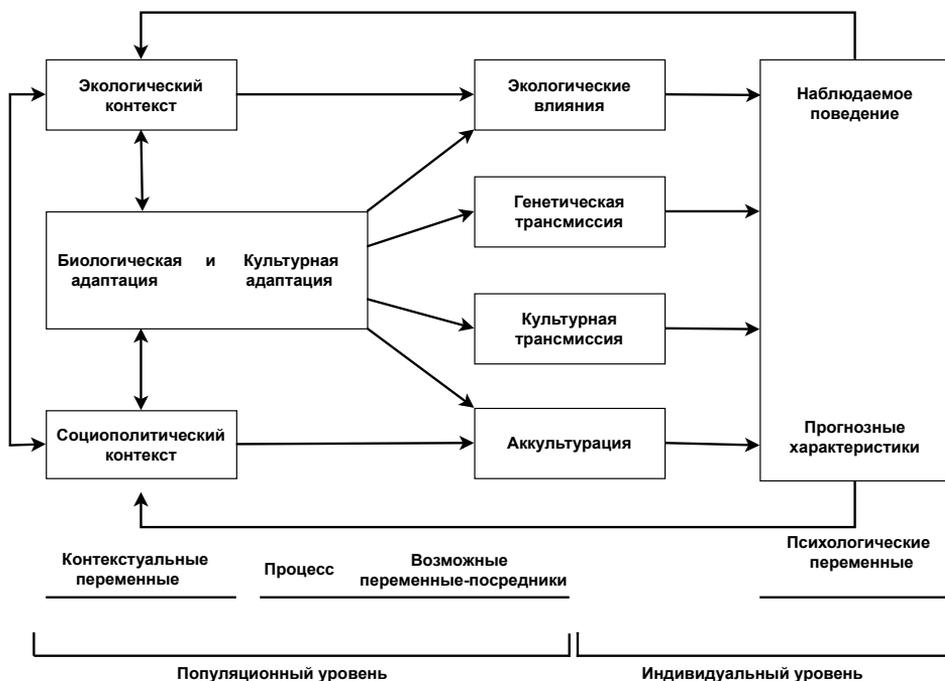

Рис. 23.1. Схема экокультурного подхода Д. Берри (Berry, 2004)

- Культура и человеческое поведение в значительной степени обусловлены экологическими условиями, биологической и культурной трансмиссией (ценностей, идентичностей, установок и моделей поведения).
- Все социокультурные процессы, изменения имеют сравнительно небольшой набор универсалий и очень большой спектр культурной специфики.
- Кросс-культурное исследование необходимо начинать с анализа социокультурных контекстов взаимодействующих групп.

На основании этих постулатов мы можем дать свое определение социокультурного подхода в рамках отечественной социальной и кросс-культурной психологии.

Социокультурный подход в рамках социальной психологии — это подход к планированию, методологии и проведению сравнительных исследований, а также интерпретации полученных результатов с учетом социокультурного контекста, этнического статуса, принадлежности к поколению (период социализации), индивидуальных характеристик (ценностей, идентичностей, установок и моделей поведения) взаимодействующих групп и индивидов.

В рамках этого подхода в Центре социокультурных исследований проводятся масштабные кросс-страновые, кросс-региональные, кросс-культурные и межпоколенные исследования по ряду тем:

- ценности, ценностные приоритеты, динамика ценностей, трансмиссия ценностей;

- идентичности, изменение значимости идентичностей, трансформация идентичностей;
- межкультурные установки, идеологии, взаимодействие, конфликты;
- социальный капитал, доверие, сплоченность;
- культура и креативность;
- межкультурное взаимодействие в образовании;
- деловое межкультурное взаимодействие;
- многие другие широко известные и новые направления.

Приведем примеры ряда исследований, проведенных сотрудниками Центра социокультурных исследований в рамках социокультурного подхода.

Исследования в рамках социокультурного подхода

Ценности, идентичности, межкультурные установки и психологическое благополучие на постсоветском пространстве

Примером исследования в рамках социокультурного подхода может служить масштабное комплексное кросс-культурное исследование на тему «Ценности, идентичности, межкультурные установки и психологическое благополучие в поликультурном обществе», проводимое сотрудниками ЦСКИ на постсоветском пространстве.

За последние 30 лет в республиках бывшего СССР, выбравших разные траектории постсоветского развития, выросли новые поколения граждан, носителей различных ценностей и межкультурных установок, у которых сформировались новые формы инклюзивных социальных идентичностей, оказывающие влияние на их психологическое благополучие. Изучение сходства и различий в паттернах взаимосвязей ценностей, идентичностей, межкультурных установок и психологического благополучия представителей разных поколений этнического меньшинства и большинства позволяет выявить роль поколения, статуса группы и социокультурного контекста во взаимосвязи ценностей, социальных идентичностей, межкультурных установок и психологического благополучия жителей постсоветских стран.

Данное исследование проводилось в четырех независимых государствах, которые образовались после распада СССР: Латвии, Грузии, Азербайджане, Таджикистане. В целом можно выделить некоторые сравнительные характеристики социокультурных контекстов:

- во всех исследуемых странах русские проживают более 200 лет, существует 70-летняя история межкультурных отношений, обусловленных входением в СССР;
- в Латвии численность русского этнического меньшинства значительно выше (они составляют пятую часть населения), чем в Азербайджане, Грузии и Таджикистане. Исходя из этого, можно предположить, что в Латвии русские могут восприниматься как угроза культуре, ресурсам, как конкурирующая группа;
- во всех контекстах одна доминирующая этническая группа;

- Латвия и Грузия в социокультурном плане более ориентированы на Евросоюз, стремятся к европейским ценностям, но при этом для грузин в отличие от латышей большое значение имеет религия; Азербайджан и Таджикистан ориентированы на Турцию и страны мусульманского мира, однако для Таджикистана в большей степени характерна ориентация на традиционализм и мусульманские ценности, чем для Азербайджана;
- в Азербайджане в целом межэтнические отношения носят интеграционный характер, но имеется латентная межэтническая напряженность, которая, возможно, приводит к тому, что ассимиляционная стратегия для русских способствует их благополучию; в Латвии, Грузии и Таджикистане отношение к русским со стороны доминирующей этнической группы носит негативный характер, русских и Россию рассматривают как оккупантов, в целом в этих странах наблюдается напряженность между русскими и доминирующими этническими группами, в Грузии и Таджикистане имели место вооруженные межэтнические конфликты.

Исходя из анализа исследований и социокультурных контекстов постсоветских стран, мы сформулировали следующие *исследовательские вопросы*:

Каково сходство и различие взаимосвязей ценностей, социальных идентичностей, межкультурных установок и психологического благополучия в семьях русского этнического меньшинства и этнического большинства в странах постсоветского пространства (Латвия, Грузия, Азербайджан, Таджикистан)?

Какова роль поколения, статуса группы и социокультурного контекста во взаимосвязи ценностей, социальных идентичностей, межкультурных установок и психологического благополучия представителей разных поколений русского этнического меньшинства и этнического большинства в странах постсоветского пространства (Латвия, Грузия, Азербайджан, Таджикистан)?

На рисунке 23.2 представлена теоретическая модель настоящего исследования.

Исследование в Латвии, Грузии, Азербайджане, Таджикистане проводилось с 2014 по 2018 г. в форме социально-психологического опроса. В выборку вошли представители двух-трех поколений русского этнического меньшинства и этнического большинства исследуемых стран. Общий объем выборки составил 2594 респондента.

Социально-психологический опрос проводился в столицах исследуемых стран, а также в местах компактного проживания русских. Русские респонденты заполняли анкеты на русском языке. Для представителей этнического большинства использовались опросники на национальных языках: в Латвии и Грузии были использованы уже разработанные опросники на национальных языках, в Азербайджане и Таджикистане шкалы были переведены и адаптированы (использовался метод прямого и обратного перевода). В Латвии и Грузии представители этнического большинства заполняли опросник на национальном языке. Азербайджанским и таджикским респондентам предлагались опросники на двух языках – национальном (азербайджанском/таджикском) и русском.

На первом этапе исследуемые связи были рассмотрены внутри каждой страны на выборках этнического большинства и русского этнического меньшинст-

Раздел III

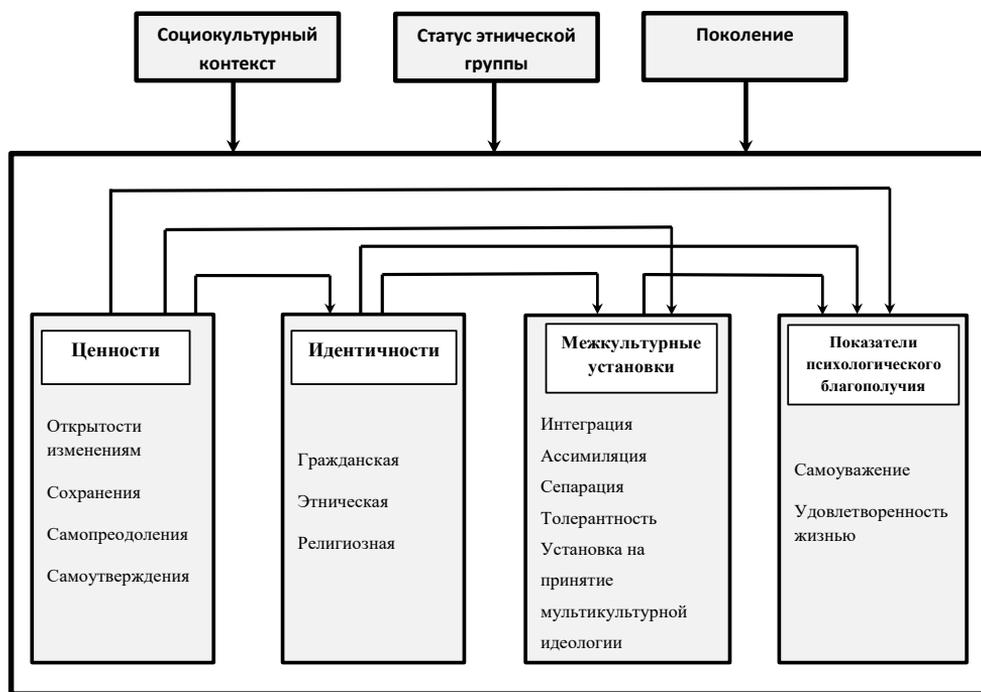

Рис. 23.2. Теоретическая модель исследования

ва отдельно, как это традиционно делается в кросс-культурных исследованиях, что позволило увидеть основное сходство и различие между ними на внутристрановом и кросс-страновом уровнях. На втором этапе был проведен межпоколенный анализ связей представителей младшего, среднего и в некоторых странах старшего поколения этнического большинства и русского этнического меньшинства, что позволило увидеть значительные трансформации в исследуемых связях у представителей этнического большинства и меньшинства на разных исторических этапах становления новых независимых государств на постсоветском пространстве. В итоге проведенное исследование с его уникальным дизайном позволило раздвинуть рамки пространства и времени для прогнозирования будущих тенденций в отношении ценностного, межкультурного и психологического климата разных постсоветских стран путем выявления роли социокультурного контекста, статуса этнической группы и поколения. Данное исследование обладает новизной благодаря своему сложному и уникальному дизайну, позволившему увидеть весь спектр изучаемых связей не только в разных странах и группах, но и в разных поколениях, углубив наше знание в отношении трансформации изучаемых связей во времени и прогнозировании будущих тенденций.

В исследовании впервые обнаружена колоссальная роль социокультурного контекста (традиционного кавказского, среднеазиатского или европейского) во взаимосвязи ценностей Открытости изменениям и Сохранения идентичностей, межкультурных установок и показателей психологического благополучия.

Так, например, выяснилось, что в кавказских и среднеазиатских контекстах в основе выраженности этнической идентичности жителей лежат ценности Сохранения (*безопасность, традиция, конформизм*), тогда как в европейском контексте – противоположные ценности Открытости изменениям (*самостоятельность, стимуляция, гедонизм*). Обнаружена важная роль младшего поколения во взаимосвязи ценностей Самоутверждения (*власть, достижение*) с межкультурными установками и показателями психологического благополучия. Ярко проявилась роль статуса этнического большинства и меньшинства во взаимосвязи разных ценностей социального фокуса с межкультурными установками на интеграцию.

Полученные данные продемонстрировали важную роль разных социальных идентичностей для межкультурных установок. Например, было выявлено, что этническая идентичность, в основном повышая установки на сохранение своей культуры у русских, также выполняет защитную функцию, «выстраивая границы» у старших поколений представителей этнического большинства и наиболее дискриминируемых групп русского этнического меньшинства. Гражданская идентичность в целом у русского этнического меньшинства разных поколений направлена на интеграцию, но в «ассимиляционистских» социокультурных контекстах (Латвия, Грузия, Таджикистан) она направлена на ассимиляцию. Интересна роль религиозной идентичности, в разных контекстах она выполняет разные функции: в христианских, но достаточно светских контекстах Грузии и Латвии она является неким объединяющим началом русского этнического меньшинства и доминирующих групп, приводит к интеграции и принятию культурного многообразия. В традиционном, достаточно исламизированном обществе Таджикистана она способствует установкам русских на сохранение своей культуры. А в мусульманском, но достаточно светском поликультурном контексте Азербайджана она вообще создает особый путь аккультурации русских, поскольку позволяет им добровольно принимать культуру доминирующей группы (исключая религию).

Важным моментом является понимание факторов, обеспечивающих представителям разных поколений и этнических групп психологическое благополучие. Например, этническая идентичность способствует в большей степени удовлетворенности жизнью представителей этнического большинства, а для русского меньшинства ее роль зависит от контекста (в благоприятном контексте она повышает благополучие, а в неблагоприятном, дискриминирующем снижает). Гражданская идентичность очень важна для благополучия молодежи этнического большинства, что логично, поскольку эти группы являются современниками нациестроительства в своих странах. У русских в наибольшей степени психологическому благополучию способствовала религиозная идентичность, особенно в культурно далеких странах. Причем установки на ассимиляцию и интеграцию предсказывали благополучие, как правило, «зеркально», т. е. если эта тенденция была у этнического большинства, то, как правило, она была и у русского этнического меньшинства. Роль установок на принятие культурного разнообразия в психологическом благополучии разных этнических групп у разных поколений, как правило, была положительной, а вот роль установок на толерантность очень сильно зависела от контекста (наличие истории конфликта, ассимиляционная

политика государства, негативное отношение к русским, России и др.). Русские очень гибко и чутко реагируют на отношение к ним этнического большинства. Например, в Азербайджане, где существует достаточно благоприятное отношение к русским, азербайджанцы ожидают от русских интеграции и ассимиляции, и русские готовы даже к ассимиляции. Но в Грузии, где у грузин проявляется интолерантное отношение к русским, русские как бы «закрываются» и стремятся к сепарации (особенно ярко это проявляется у молодежи, родившейся и выросшей в независимой Грузии).

В рамках этого исследования были расширены теоретические представления и получены новые эмпирические данные об особенностях взаимной аккультурации и адаптации представителей этнического меньшинства и большинства на постсоветском пространстве. Эмпирические исследования этого направления позволили выявить роль поколения, статуса группы и социокультурного контекста во взаимосвязи ценностей, социальных идентичностей, межкультурных установок и психологического благополучия жителей постсоветских стран. Сравнительное изучение предпосылок и последствий благоприятной взаимной аккультурации и адаптации в разных странах и регионах постсоветского пространства позволило проанализировать влияние постсоветского периода на самосознание разных поколений, а также оценить перспективы и вызовы для построения гармоничного поликультурного общества.

Таким образом, данное исследование обладает несомненной методологической значимостью и новизной благодаря своему сложному и уникальному дизайну, позволившему увидеть весь спектр изучаемых связей не только в разных странах и группах, но и в разных поколениях, углубив наше знание в отношении трансформации изучаемых связей во времени и прогнозировании будущих тенденций. Важно отметить высокий уровень теоретической значимости исследования, поскольку оно расширяет наши представления о социокультурном подходе в отечественной психологии через призму взаимосвязей базовых человеческих ценностей, социальных идентичностей, межкультурных установок и показателей психологического благополучия у представителей разных стран, этнических и возрастных групп, тем самым обогащая такие разделы психологического знания, как социальная, кросс-культурная психология и психология развития. Самым главным достоинством настоящего исследования выступает его практическая значимость для настоящего и будущего социально-политического и социокультурного регулирования взаимоотношений внутри постсоветских стран и между ними с учетом влияния «русского фактора». Результаты исследований в рамках этого направления представлены в ряде публикаций сотрудников Центра (Лебедева, 2021; Galyapina, 2021; Galyapina et al., 2020).

Применение социокультурного подхода в изучении социального капитала в поликультурном обществе

Следующий пример — исследования социального капитала в рамках социокультурного подхода. Позитивные эффекты социального капитала хорошо изучены, с уверенностью можно сказать, что данный ресурс облегчает достижение це-

лей как на групповом уровне, так и на индивидуальном, обладая массой позитивных эффектов. Вопрос, который изучен еще недостаточно, — о предикторах социального капитала, особенно на макроуровне. В этом случае мы сталкиваемся с необходимостью использования социокультурного подхода, поскольку на социетальном уровне социальный капитал как отношенческий ресурс может зависеть от этнической гетерогенности общества, тем более если речь идет о поликультурном обществе. Таким образом, именно социокультурный подход позволяет нам сосредоточиться на учете роли этнического разнообразия общества при рассмотрении социального капитала на социетальном уровне.

Вопрос о влиянии этнического разнообразия на социальный капитал очень актуален в свете возрастающего этнического разнообразия стран и роста активности миграции населения. Особенно он актуален для России, которая изначально имеет высокий уровень этнического разнообразия и к тому же находится на третьем месте в мире по ежегодному притоку инокультурных мигрантов. В рамках масштабного эмпирического исследования мы изучили влияние этнического разнообразия на социальный капитал России (Tatarko et al., 2017). В проведенных ранее исследованиях, посвященных данной тематике, нами было обнаружено противоречие. Часть исследований показывала, что этническое разнообразие разрушает социальный капитал общества, т. е. оказывает на него негативное влияние (Coffe, Geys, 2006; Leigh, 2006; Putnam, 2009). Но также были обнаружены исследования, показавшие, что нет связи между этническим разнообразием и социальным капиталом, т. е. социальный капитал поликультурного общества не страдает от этнического многообразия (Gesthuizen et al., 2009; Letki, 2008). Мы провели исследование связи этнического разнообразия с социальным капиталом в 25 регионах России. В результате было показано, что в случае России этническое разнообразие не оказывает негативного воздействия на социальный капитал. Моделирование при помощи многоуровневых структурных уравнений показало, что этническое разнообразие регионов России не связано с доверием жителей этих регионов, плотностью их формальных связей (участием в деятельности различных организаций), но при этом позитивно связано с неформальными социальными связями — количеством друзей респондента. Таким образом, мы обнаружили, что в российском контексте этническое разнообразие не разрушает социальный капитал общества (Tatarko et al., 2017).

Следующий важный вопрос, который был рассмотрен при изучении социального капитала в поликультурном обществе, — это вопрос о связи интеграционной иммиграционной политики общества и его социального капитала, в частности, уровня доверия в обществе. Хорошо известно, что интеграционная политика общества в отношении иммигрантов помогает им лучше адаптироваться и иметь более высокое качество жизни. Но как при этом себя чувствует общество в целом? В частности, может ли интеграционная политика в отношении иммигрантов как-то сказываться на социальном капитале общества, в частности, на уровне доверия? Чтобы ответить на этот вопрос, нами изучалась связь интеграционной иммиграционной политики в 22 европейских странах и генерализованного доверия населения в этих странах (Tatarko, Jurcik, 2021). Для оценки политики обществ нами использовался MIPeX — «Индекс интеграционной по-

литики в отношении мигрантов» (Migrant Integration Policy Index) из соответствующей базы данных, для оценки уровня доверия людей в рассматриваемых 22 странах и других переменных использовались данные Европейского социального исследования (ESS). Предиктором доверия был MIPEX, также мы рассматривали воспринимаемую угрозу в отношении мигрантов в качестве медиатора связи между индексом интеграционной политики и доверием. Индекс MIPEX многосоставной и включает в себя 8 отдельных компонентов, затрагивающих различные аспекты интеграционной иммиграционной политики. Исследование показало, что хотя прямой эффект интеграционной иммиграционной политики на генерализованное доверие в обществе существует, но он слабый и статистически незначимый. Более сильным и значимым эффектом является не прямой, который осуществляется через снижение воспринимаемой групповой угрозы со стороны мигрантов. Вероятно, повышение культурного разнообразия вследствие интеграционной иммиграционной политики не будет иметь негативного эффекта на социальный капитал общества, если такая миграционная политика не вызывает повышения воспринимаемой групповой угрозы со стороны мигрантов.

Обобщая эффекты отдельных компонентов миграционной политики, мы объединили их в три категории.

1. Компоненты иммиграционной политики, которые потенциально могут приводить к увеличению численности мигрантов («Воссоединение семей иностранных граждан», «Институт вида на жительство»). Эти аспекты иммиграционной политики могут быть негативно связаны с генерализованным доверием, однако их прямой эффект нивелируется позитивным непрямым эффектом (через отрицательную связь с воспринимаемой угрозой), в результате чего их связь с генерализованным доверием является незначимой.
2. Компоненты, признающие равный статус мигрантов с принимающим населением («Доступ к гражданству», «Антидискриминация»). Эти аспекты иммиграционной политики не связаны с генерализованным доверием.
3. Компоненты, способствующие включению мигрантов в экономическую, политическую и социальную жизнь общества («Мобильность рынка труда», «Доступ к образованию», «Политическая вовлеченность», «Здравоохранение»). Эти компоненты имеют прямые позитивные эффекты на генерализованное доверие населения страны. Вероятное объяснение состоит в том, что совершенствование политики общества в данных областях сказывается позитивно не только на мигрантах, но и на коренном населении, повышая его благополучие и, соответственно, социальный капитал.

Таким образом, этническое разнообразие общества и политика общества, поддерживающая такое разнообразие, не снижают уровень социального капитала. Сам по себе социальный капитал в поликультурном обществе очень важен для взаимной адаптации представителей различных этнических групп (Дубров, 2017). В рамках данного вопроса, нами изучалась связь социального капитала и аккультурационных установок (Berry, 1997) у мигрантов из постсоветских республик Центральной Азии и Южной Кореи, которые, с одной стороны, име-

ют в своих культурах схожие характеристики (коллективизм, иерархия, долгосрочная временная ориентация), но, с другой стороны, представители этих культур в разной степени знакомы с российской культурой и имеют различную культурную дистанцию с россиянами (Tatarko et al., 2020). В исследовании мы пытались связать в одну модель аккультурационные стратегии, соединяющий и связывающий социальный капитал представителей двух данных групп мигрантов и их социокультурную адаптацию. Первый вопрос, которым мы задались: что все же первично – социальный капитал мигрантов или их аккультурационные стратегии по отношению к социокультурной адаптации? В зависимости от своего социального капитала мигрант выбирает ту или иную стратегию либо в зависимости от выбранной заранее стратегии ему удастся аккумулировать определенное количество связывающего и соединяющего социального капитала? Что происходит сначала – человек на новом месте заводит знакомства и на их основе определяется с аккультурационной стратегией или, наоборот, строит свой круг общения, исходя из своей аккультурационной стратегии? Какой вид социального капитала: соединяющий или связывающий наиболее важен для социокультурной адаптации двух данных групп мигрантов? Исследование показало, что, во-первых, социальный капитал этих групп мигрантов первичен (Tatarko, Berry, Choi, 2020). Сначала они завязывают знакомства, формируют отношения с представителями своей группы и принимающего населения, а затем уже в зависимости от социального капитала выбирают одну из следующих аккультурационных стратегий: интеграция, ассимиляция или сепарация. Во-вторых, оказалось, что у представителей двух данных этнических групп, в различной степени знакомых с культурой России и в разной степени знающих русский язык, адаптации в России способствуют различные виды социального капитала. Если у мигрантов из Центральной Азии это преимущественно *соединяющий* социальный капитал (т. е. контакты с представителями принимающего населения), то у мигрантов из Южной Кореи это преимущественно *связывающий* социальный капитал (т. е. контакты с представителями собственной этнической группы) (Tatarko et al., 2020). Оказалось, что мигранты из Южной Кореи, которым в силу недостаточного знания русского языка и культуры России сложнее выстраивать отношения с принимающим населением, обмениваются опытом и помогают друг другу адаптироваться, поэтому именно ресурс отношений внутри своей этнической группы способствует более эффективной социокультурной адаптации.

Социальный капитал способствует не только адаптации мигрантов в России, но и взаимной адаптации этнических групп поликультурных регионов России, в частности, нами рассматривался данный вопрос на примере представителей трех этнических групп самого этнически гетерогенного региона России – Республики Дагестана (Tatarko, 2020). В данном исследовании мы изучали социальный механизм, посредством которого индивидуальный социальный капитал связан с взаимной адаптацией этнических групп поликультурного региона, используя так называемую «гипотезу интеграции» (Berry, 2017). Согласно предложенной нами гипотетической медиативной модели, ориентация индивида на стратегию интеграции позволяет ему более эффективно формировать и свя-

зывающий (отношения с представителями собственной этнической группы), и соединяющий (отношения с представителями иноэтнических групп) социальный капитал и посредством этого более эффективно адаптироваться в поликультурном регионе. Эмпирическое исследование, проведенное в Дагестане, включало респондентов из трех этнических групп, различающихся по статусу, особенностям культуры и численности: русских, аварцев и даргинцев. В результате исследования мы выделили два сценария взаимной адаптации этнических групп в поликультурном регионе. Первый сценарий подтверждает нашу модель, основанную на гипотезе интеграции: представители этнических групп могут ориентироваться на стратегию интеграции, что способствует формированию соединяющего и связывающего социального капитала и в конечном итоге эффективной психологической адаптации в поликультурном регионе. Однако есть и второй, «сепарационный» сценарий, когда представители этнической группы в межэтнических отношениях ориентируются на сепарацию и преимущественное формирование связывающего социального капитала, что для них также может быть эффективно в плане субъективного благополучия психологической адаптации к поликультурности региона. И если для представителей этнических групп оба сценария могут быть эффективны в плане психологической адаптации, то для поликультурного региона в целом, его сплоченности, развития эти сценарии могут иметь нежелательные последствия (Tatarko, 2020). Сепарационный сценарий может быть эффективным для повышения благополучия представителей отдельной этнической группы, но для социального капитала региона в целом он не будет иметь позитивных эффектов. Таким образом, применение социокультурного подхода в исследованиях социального капитала позволяет более глубоко и детально проанализировать универсальность и культурную специфику социального капитала в поликультурных обществах.

Социокультурный подход продолжает свое развитие и реализацию в ряде относительно новых направлений исследований Центра социокультурных исследований.

Социокультурный подход к изучению креативности

Идея о том, что креативность является социокультурным феноменом, получила значительную поддержку в научном сообществе (Dunne, 2017). Новизна и полезность как основные характеристики креативности могут быть оценены только в сравнении с чем-то уже существующим в определенной культуре. Решение о том, что является креативным, зависит от социокультурного контекста (Nijstad, Paulus, 2003). Принадлежность к определенному этносу или культуре сказывается на понимании, выраженности и содержании креативности и приводит к существованию кросс-культурных различий (Kharkhurin et al., 2008), так как условия социализации, культурные нормы и ценности влияют на мышление и поведение людей, во многом определяют их представления о возможностях самореализации (Эрдынеева, Попова, 2009; Rudowicz, 2003). Культура, в свою очередь, развивается через обогащение новыми и полезными идеями и продуктами (Шамаева, 2014). Креативность позволяет трансформировать и реализовать накопленный опыт и интернализированные культурные ценности в творчес-

ком продукте, который будет способствовать развитию общества (Ларионова, 2005).

Учитывая тесную взаимосвязь креативности с культурой, особенно перспективным в условиях мировой глобализации является рассмотрение креативности в контексте межкультурных взаимодействий (Glaveanu, 2010, 2016). Исследования показали, что знакомство с новой культурой помогает расширять концептуальные границы, установленные в собственной культуре человека, вдохновляет на освобождение от ограничивающих культурных установок и способствует креативному мышлению (Chiu, Kwan, 2010). Особенности собственной культуры определяют, как человек мыслит и воспринимает креативность в целом (Лебедева, 2012). Столкновение же с новой культурой приводит к сравнению своих представлений с новыми реалиями (Шамаева, 2014) и переоценке особенностей своей культуры и присущих ей конвенциональных идей (Tadmor et al., 2012). В результате человек ищет новые ответы и решения для стоящих перед ним задач, которые, с одной стороны, будут более соответствовать ситуации межкультурного взаимодействия (Benet-Martinez et al., 2012; Lee, Leu, 2006), с другой стороны, будут включать в себя неконвенциональные для его культуры элементы и тем самым помогут выйти за пределы норм и стандартов собственной культуры даже за пределами ситуации межкультурного взаимодействия (Chiu, Kwan, 2010; Leung et al., 2008).

Однако не всегда межкультурные контакты имеют позитивное воздействие на креативность. Дело в том, что межкультурные контакты влияют на креативность по принципу диверсифицированного опыта (Crisp, Turner, 2011). Выступая в качестве необычного события или ситуации, диверсифицированный опыт побуждает людей выходить за рамки их зоны комфорта, привычных практик мышления и поведения в меру их адаптационных возможностей. Когда человек может открыто и безопасно воспринимать новую информацию и переступать через стереотипы, диверсифицированный опыт воспринимается как вызов, способствующий креативности. Однако, когда у человека недостаточно адаптационных ресурсов, когда он испытывает тревогу и закрывается от новой информации, диверсифицированный опыт может, наоборот, приводить к предпочтению наиболее конвенциональных, привычных и безопасных решений.

При изучении взаимосвязи межкультурных контактов и креативности критически важно выяснить, как именно воспринимается новый опыт, как люди учатся совладать с ним, что им помогает, а что мешает. Ключевым механизмом, обеспечивающим качественный переход от восприятия новой информации к когнитивному развитию, в том числе приросту креативности, является межкультурное обучение (Leung, Chiu, 2010; Montuori, Stephenson, 2010).

Эмпирическое исследование на тему «Взаимосвязь межкультурного обучения и креативности российских студентов», проведенное М. А. Бульцовой, показало, что в целом благоприятный межкультурный климат способствует формированию позитивных установок в отношении межкультурного обучения инокультурных студентов и через них способствует креативности российских студентов как принимающего населения. Учитывая, что межкультурный климат и установки по отношению к межкультурному обучению являются многосоставными

ми конструктами, а креативность может быть продуктивной и непродуктивной, был сделан ряд уточнений. В частности, было обнаружено, что два компонента межкультурного климата вуза по-разному связаны с креативностью. Поддержка мультикультурности вузом позитивно связана с непродуктивной креативностью и продуктивной креативностью, в то время как возможности для межкультурного общения негативно связаны с непродуктивной креативностью, но способствуют развитию позитивных установок по отношению к межкультурному обучению, которые, в свою очередь, ассоциируются с более высокими уровнями креативности. Таким образом, можно сделать вывод о важности и необходимости развития обоих компонентов межкультурного климата вуза, чтобы достигать положительных результатов в отношении межкультурного и когнитивного развития студентов (Bultseva, Lebedeva, 2021).

Социокультурный подход к изучению школьного буллинга

Согласно К. Ригби, существует несколько подходов к изучению буллинга:

- буллинг как результат индивидуальных различий между его участниками;
- буллинг как следствие процесса развития личности;
- буллинг как социокультурное явление;
- буллинг как ответ на давление сверстников в школе (Rigby, 2012).

Особый интерес в рамках настоящего исследования вызывает социокультурный подход, который определяет буллинг как результат существования ряда групп с различным уровнем власти (там же). Такие группы образуются, например, по признаку пола, расы, этнической принадлежности, социального класса и т.д. При таком подходе к изучению школьной травли основное внимание уделяется тем различиям, которые имеют культурную или же историческую основу. Предположение о том, что буллинг связан с этнической принадлежностью детей, исходит из убеждения о доминантном положении группы этнического большинства (там же). Кроме того, дети этнических меньшинств являются носителями культурно обусловленных паттернов поведения и имеют различные языковые навыки, что может представлять собой возможные причины для издевательств (Kim, Chao, 2009).

В рамках социокультурного подхода этническая принадлежность детей может служить фактором для виктимизации. Например, многие исследования показывают, что школьники, принадлежащие к группе этнического меньшинства, чаще подвергаются буллингу, чем представители этнического большинства (Rigby, 2012; Kozmus, Psunder, 2017). Результаты исследований, проведенных в российском контексте при сравнении группы русского большинства и этнического меньшинства, показывают, что существуют различия в ролях школьников из большинства и меньшинства в ситуации школьной травли: как правило, дети из этнических меньшинств чаще выступают в качестве жертв буллинга. Кроме того, аккультурационное ожидание сегрегации этнического меньшинства и аккультурационная стратегия сепарации русского большинства положительно взаимосвязаны с ролью жертвы, о которой они сообщали. Эти результаты указывают на то, что укрепление культурной самобытности детей из этнических

меньшинств без стремления к взаимодействию с представителями других групп может приводить к виктимизации детей.

Таким образом, результаты данного исследования расширяют имеющиеся теоретические представления и добавляют новые эмпирические данные о взаимосвязи аккультурационных ожиданий русских школьников и восприятия ими таджикских сверстников в ситуации школьного буллинга. В частности, были определены различия в восприятии ролей русских и таджикских школьников в ситуации школьного буллинга. Русские школьники чаще воспринимались как жертвы и как агрессоры школьного буллинга, чем их сверстники из таджикской этнической группы. Также было выявлено, что аккультурационное ожидание принятия русской культуры было отрицательно взаимосвязано с восприятием таджикских школьников как жертв при отсутствии у них межкультурных контактов. Результаты исследования имеют широкое практическое применение в культурно гетерогенных классах для улучшения межкультурных отношений между подростками из различных этнических групп и профилактики и предотвращения школьной травли.

Заключение

Результаты проведенных нами теоретико-эмпирических исследований обогащают развиваемый ЦСКИ социокультурный подход и позволяют с новой точки зрения взглянуть на рассмотренные феномены и создание соответствующих прикладных программ, нацеленных на гармонизацию межкультурных отношений в обществе.

При планировании, разработке теоретических оснований и реализации эмпирических исследований, представленных в данном отчете, сотрудники ЦСКИ придерживались комплексного системного подхода. В частности, были предприняты попытки интегрировать известные классические теории и модели социальной и кросс-культурной психологии с современными концепциями и результатами новейших и наиболее актуальных на данный момент научных работ. Результатом стало применение социокультурного подхода для анализа разнородных социально-психологических феноменов.

При построении теоретически обоснованных моделей в каждом исследовании авторы опирались на аналитический обзор научной литературы, осуществили теоретический анализ, предшествующий постановке исследовательской проблемы, и продемонстрировали глубокое понимание разработанности каждой из рассматриваемых тематик в России и за рубежом. Многие из проведенных исследований являлись кросс-культурными, их авторы смогли грамотно учесть особенности социокультурных и экономико-политических контекстов рассматриваемых стран.

Методология проведенных исследований отличается разнообразием и комплексностью. Многие исследования проводились в несколько этапов или включали в себя претест, что демонстрирует надежность и проработанность реализованных дизайнов. Выборка проведенных исследований характеризуется новизной, так как, кроме различных социальных групп населения России, стран

Раздел III

Европы и Центральной Азии, включила в себя группы этнического большинства и меньшинства ряда постсоветских стран. Такой широкий кросс-региональный охват позволил провести сравнительный анализ результатов и сделать выводы об универсальности и специфичности выявленных социально-психологических закономерностей. Достоверность полученных результатов обеспечена использованием современных методов математико-статистической обработки данных (таких, как дисперсионный анализ, регрессионный анализ, модерационный анализ, подтверждающий и исследовательский факторный анализ, моделирование структурными уравнениями и т. д.). В целом использованные методы сбора данных, процедуры проведения исследования и способы математико-статистического анализа соответствуют ведущим трендам в социально-гуманитарных науках. Таким образом, представленные исследования в рамках развиваемого Центром социокультурного подхода сопоставимы с наиболее авторитетными работами представителей международного научного сообщества.

Данный подход продолжает развиваться, его применение поможет сделать новые нетривиальные находки, объясняющие универсальность и культурную специфичность индивидуального и группового поведения.

Сведения об авторах

Асмолов Александр Григорьевич – академик РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Школы антропологии будущего Института общественных наук РАНХиГС, agas@mail.ru

Безгодова Светлана Александровна – кандидат психологических наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена, Институт психологии, кафедра психологии человека, s.a.bezgodova@gmail.com

Бульцева Мария Александровна – кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ, mbultseva@hse.ru

Бушина Екатерина Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ, ekaterinaosipov@yandex.ru

Виленская Галина Альфредовна – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии РАН, vga2001@mail.ru

Галяпина Виктория Николаевна – кандидат психологических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ, vgalyapina@yandex.ru

Головей Лариса Арсеньевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии СПбГУ, lgolovey@yandex.ru

Грачев Александр Алексеевич – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, Институт психологии РАН, agrat50@mail.ru

Гришина Наталия Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности СПбГУ, grinat07@gmail.com

Гусельцева Марина Сергеевна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии подростка, Психологической институт РАО, mguseltseva@mail.ru

- Журавлев Анатолий Лактионович* – академик РАН, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Института психологии РАН, заведующий лабораторией истории психологии и исторической психологии Институт психологии РАН, zhuravleval@ipran.ru
- Зарецкий Виктор Кириллович* – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры индивидуальной и групповой психотерапии МГППУ, zaretskiyv@mgppu.ru
- Зеленкова Татьяна Владимировна* – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и социальной педагогики ГГТУ, tzelenk@mail.ru
- Знаков Виктор Владимирович* – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии РАН, znikov50@yandex.ru
- Карпов Александр Анатольевич* – доктор психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова, karpov.sander2016@yandex.ru
- Карпов Анатолий Викторович* – член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова, anvikar56@yandex.ru
- Корнилова Татьяна Васильевна* – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, tvkornilova@mail.ru
- Костригин Артем Андреевич* – кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, Институт психологии РАН, kostriginaa@ipran.ru
- Костромина Светлана Николаевна* – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности СПбГУ, s.kostromina@spbu.ru
- Лебедева Надежда Михайловна* – доктор психологических наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ, lebedhope@yandex.ru
- Лепшокова Зарина Хизировна* – кандидат психологических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ, taimiris@yandex.ru
- Мазилев Владимир Александрович* – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, v.mazilov@yspu.org
- Майданский Андрей Дмитриевич* – доктор философских наук, профессор кафедры философии НИУ БелГУ, maidansky@gmail.com
- Марцинковская Татьяна Давыдовна* – доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии им. Л. С. Выготского, РГГУ, заведующая лабораторией психологии подростка, Психологический институт РАО, декан факультета общей и клинической психологии МИП, tdmartsin@gmail.com
- Микляева Анастасия Владимировна* – доктор психологических наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена, Институт психологии, кафедра психологии человека, a.miklyaeva@gmail.com

Сведения об авторах

- Павлова Наталия Дмитриевна* – доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии речи и психолингвистики, Институт психологии РАН, pavlovand@ipran.ru
- Панов Виктор Иванович* – член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией экопсихологии развития и психодидактики, Психологический институт РАО, esovip@mail.ru
- Панферов Владимир Николаевич* – доктор психологических наук, профессор РГПУ им. А. И. Герцена, Институт психологии, кафедра психологии человека, v-panferov@mail.ru
- Рубцов Виталий Владимирович* – академик РАО, доктор психологических наук, профессор, президент МГППУ, rubtsovvv@mgppu.ru
- Семенов Игорь Никитович* – доктор психологических наук, профессор департамента психологии МГПУ, i_samenov@mail.ru
- Сергиенко Елена Алексеевна* – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии РАН, elenas13@mail.ru
- Татарко Александр Николаевич* – доктор психологических наук, профессор НИУ ВШЭ, директор Центра социокультурных исследований, tatarko@yandex.ru
- Хазова Светлана Абдурахмановна* – доктор психологических наук, доцент кафедры социальной психологии КГУ им. Н.А. Некрасова, hazova_svetlana@mail.ru
- Харламенкова Наталья Евгеньевна* – доктор психологических наук, профессор, заместитель директора института по научной работе, заведующая лабораторией психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии РАН, nataly.kharlamenkova@gmail.com
- Холмогорова Алла Борисовна* – доктор психологических наук, профессор, декан факультета консультативной и клинической психологии, МГППУ, holmogorovaab@mgppu.ru
- Черноризов Александр Михайлович* – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, amchern53@mail.ru
- Шадриков Владимир Дмитриевич* – академик РАО, доктор психологических наук, профессор, профессор-исследователь департамента психологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, shadrikov@hse.ru
- Шехтер Евгения Дмитриевна* – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры психофизиологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Школа антропологии будущего Института общественных наук РАНХиГС, shunya1@yandex.ru

Научное издание

Серия «Методология, теория и история психологии»

**НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ**

doi: 10.38098/thry_23_0465

Редактор – *О. В. Шапошникова*

Оригинал-макет, обложка и верстка – *В. П. Ересько*

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

Тел.: +7 (495) 540-57-27

www.ipras.ru

E-mail: vbelop@mail.ru

Сдано в набор 17.06.23. Подписано в печать 08.07.23. Формат 70×100/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура NewtonС

Уч.-изд. л. 54. Усл.-печ. л. 48. Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6